

УДК 7.03; 7:001.12.

Филиппова Ольга Николаевна,

Педагог-психолог, Ассоциация искусствоведов,

г. Москва

ПАМЯТИ Т.Н. ГРАНОВСКОГО

(ИСХОДЯ ИЗ ДОКЛАДА, ПРОЧИТАННОГО 22 ОКТЯБРЯ 1955 ГОДА НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Т.Н. ГРАНОВСКОГО)

Аннотация: Среди профессоров Московского университета немало таких, которые оставили более глубокий след в науке, больше продвинули ее вперед, чем Тимофей Николаевич Грановский. Его печатное наследие невелико и лишь в малой степени отражает подвиг его короткой жизни. Но 16 лет его университетского преподавания, с 1839 года, когда он начал чтение курса истории средних веков, до 1855 года, - года его смерти, остались яркой страницей в истории Московского университета и в истории русского просвещения. С именем Грановского, окруженным любовью, долгое время были связаны лучшие традиции Московского университета. И теперь, через более чем 150 лет после его смерти, нам, живущим уже в другом мире, в совершенно иную историческую эпоху, близко и дорого это имя. Мы стали лучше знать и понимать Грановского, извлекая из архивов и изучая его университетские курсы, сохранившиеся только в записях его слушателей. Кстати, еще в 1856 году Чернышевский выражал надежду увидеть эти университетские курсы в печати. К сожалению, пришлось повторить это пожелание и в 1955 году, и в наше время оно не менее актуально. Задача автора данной публикации - прояснить, что же дало Грановскому это трудно приобретаемое право не только на память, но и на любовь последующих поколений? Что обеспечило ему особое место в блестящем пантеоне Московского университета?

Ключевые слова: Т.Н. Грановский, память, доклад, торжественное заседание, Московский университет, профессор, печатное наследие, подвиг, короткая жизнь, чтение курса истории средних веков, яркая страница, русское просвещение, традиции, архивы, университетские курсы, записи слушателей, Чернышевский, университетские курсы в печати.

Деятельность Грановского, которую Чернышевский не поколебался назвать «общественным служением», «подвигом», протекала в обстановке деспотического режима николаевской эпохи, когда крепостное право справляло свои последние оргии, когда, по выражению Герцена, каждый частный пристав был императором и император был частным приставом. Мертвящим грузом было придавлено просвещение, особенно от этого страдали общественная мысль и тесно связанные с ней гуманитарные науки. Но все выше вздымалась волна народного движения и общественного протеста, несмотря ни на какие репрессии со стороны правительства. Развертывалась борьба между старым и новым, между охранительными элементами, стоявшими на страже старой, крепостнической России и начавшими свою пропаганду представителями прогрессивных течений. Свежим воздухом повеяло и в Московском университете. На гуманитарных кафедрах появились молодые преподаватели, открывавшие перед слушателями новые горизонты, - Редкин, Чивилев, Крюков и др. В 1839 году вернулся из трехлетней заграничной командировки Грановский. Ему было тогда всего 26 лет. Он хорошо использовал эти три года: слушал лекции знаменитых немецких профессоров - Савиньи, Раумера, Риттера; участвовал в знаменитом семинарии Ранке, много читал. Понимая всю важность обобщающей мысли в работе историка, он изучал господствовавшую тогда философию Гегеля. Как показывает его переписка, он уже тогда старался критически отнестись и к историческим взысканиям и к философской мысли Запада; работая за границей, он все время думал о применении своих знаний в России. Он побывал в Праге, где познакомился с выдающимися

представителями чешского национального Возрождения. С большим запасом знаний, мыслей и личных впечатлений Грановский вернулся в Москву. С чувством глубокой общественной ответственности он приступил к чтению лекций в Московском университете. Грановский начал чтение своего первого курса по истории средних веков 24 сентября 1839 года. На его первую лекцию собралось около 250 студентов, число по тому времени очень большое. Грановский настолько смутился, что несколько минут не мог произнести ни одного слова. А что он читал дальше, могли расслышать очень немногие: так тихо и невнятно он говорил. Но уже на следующих лекциях он вполне овладел собой и овладел своей аудиторией. Грановский стал самым любимым преподавателем университета. Его лекции слушались с глубоким вниманием и горячим сочувствием студенческой аудитории. Настоящим триумфом были его публичные лекции, о которых Герцен дал восторженный отзыв. Чаадаев, выходя из аудитории, сказал: «Лекции Грановского имеют историческое значение». С этими словами вполне солидаризировался и Герцен. В чем же заключалось «историческое значение» лекций Грановского? Здесь надо прежде всего возразить тем, кто отказывался видеть в Грановском настоящего ученого-исследователя, а усматривал в нем лишь талантливую, но поверхностную популяризатора западноевропейской науки. Такое мнение поддерживалось некоторыми современниками Грановского, высказывалось оно и позднейшими историками. Чем бы ни диктовалось подобное мнение - оно совершенно ложно. Грановский сравнительно мало писал, еще меньше печатался. Это объясняется не только гнездом цензуры, которая запрещала или уродовала всякое проявление свободной мысли, но и крайне щепетильным отношением Грановского к печатному слову и большой требовательностью к себе. К тому же усидчивому писанию мешала увлекающаяся и многосторонняя натура Грановского. Планы работ теснились в его голове, часто сменяя друг друга и не доходя до осуществления. Но, по-видимому, главной причиной, почему Грановский мало писал, было то, что он предпочитал передавать свои знания и свои взгляды не

бумаге, а аудитории, облекать их не в печатную, а живую, устную речь. Это больше соответствовало особенностям его таланта и отвечало его представлению о роли профессора, как просветителя или, выражаясь словами Чернышевского, посредника между наукой и русским обществом, а это лучше достигалось путем живого слова на лекциях, чем путем толстых томов специальных исследований. Грановский писал мало. Но и того, что он написал, достаточно, чтобы не оставалось никаких сомнений, что перед нами крупный ученый, стоявший на высоте современной ему науки, один из наиболее передовых ученых своего времени. Он прекрасно знал исторические источники и умел работать над ними. Его статья «О родовом быте у древних германцев» может быть признана образцом точного исследования для своего времени, ряд его аргументов не утратил своего значения и в наши дни. Его обзоры зарубежной исторической литературы обнаруживают не только прекрасную осведомленность, но и острый критический взгляд. Это соединялось с чрезвычайной широтой его исторического кругозора. Специально работая в области истории средневековья, он интересовался историей античности и нового времени, историей Востока, историей Византии и славянства, этнографией и антропологией. О широте его интересов говорит его библиотека, ныне входящая в состав фундаментальной библиотеки Московского университета. Очень рано, еще в период своей работы за границей, Грановский осознал необходимость для историка философского мирозерцания. Его не удовлетворяла голая фактология, которой занимались - занимаются и теперь - многие западные, особенно немецкие, историки. Он раздраженно говорит о «нечестивом поклонении факту». В философии Гегеля он стремился найти основы для своего исторического мировоззрения. Но философия Гегеля таила в себе столько противоречивых элементов, что из нее каждый мог черпать то, что хотел. Грановский отвергал реакционную «философию истории» Гегеля, которая отказывала большинству народов, в т.ч. и славянам, в праве называться историческими народами и считала прусскую монархию венцом сознания

мировым духом своей свободы. Но он воспринял ряд положений гегелевской диалектики, развитой главным образом в «Феноменологии духа». По словам Герцена, Грановский не имел ни любви, ни таланта к отвлеченному мышлению. Грановский был прежде всего историком. По словам того же Герцена, он думал историей, учился историей, историей делал пропаганду. Конечно, он умел поставить диалектику Гегеля с головы на ноги. В его философских взглядах, как он их излагает, нетрудно найти много противоречий. Сомнительно, чтобы идеи объективного идеализма Гегеля глубоко вошли в его сознание. Однако ряд идей гегелевской диалектики, которая для Герцена была «алгеброй революции», несомненно, оказали сильное влияние на историческое мировоззрение Грановского, особенно в том истолковании, которое эти идеи получили у русских революционных демократов - у Белинского и Герцена, чье влияние на Грановского было очень сильно. Значительно было также влияние, которое оказывали на Грановского идеи западноевропейского, особенно французского, либерализма, в частности идеи Гизо и Тьерри. Но, может быть, важнейшую роль в формировании мировоззрения ученого играло глубокое изучение истории и еще больше - живое ощущение переходного периода, в котором находилась тогда Россия, ощущение, осознанию которого много содействовало общение Грановского с русскими революционными демократами. Очищая исторические взгляды Грановского от чуждых ему словесных наслоений, мы можем сказать, что в их основе лежала идея «всеобщей истории», т.е. идея закономерности исторического процесса в целом и его прогрессивного характера. История рисовалась Грановскому в виде ряда сменяющих друг друга прогрессивных периодов, причем эта смена происходила в процессе острой борьбы старого и нового. Грановский не употреблял терминов «классы», «классовая борьба», но он в ряде случаев изображал классовую борьбу угнетенных народных масс, как творческий фактор в прогрессивном развитии человечества. Признавая творческую роль народных масс, указывая иногда на значение материального фактора в истории,

Грановский все же оставался на почве идеализма. Борьбу старого и нового он понимал прежде всего как борьбу идей, главное содержание истории составляли, по его мнению, развитие и смена государственных и религиозных форм. Так, видя одну из причин падения античного мира в глубоком внутреннем кризисе рабовладельческого мира, сопровождавшемся борьбой угнетенных масс, Грановский все же усматривал глубочайшую сущность перехода от античности к средним векам в смене языческой религии христианством. Реформация представляется ему важнейшим моментом в смене средних веков новым временем. Таким образом, вслед за Гегелем Грановский думал, что человечество, развиваясь по определенным законам, тем самым стремится к осуществлению некой высокой моральной цели, определяемой идеей свободы. Путь к ее достижению он видел в распространении просвещения и гуманности - человечности, как тогда говорили. В связи с этим Грановский преувеличивал значение личности в истории, видя сущность прогресса в «разложении масс мыслью», что может быть достигнуто «просвещенной, независимой от роковых определений личностью». Но и личность есть, по его мнению, создание среды, она не мыслится в отрыве от массы. Глубокое сочувствие народу, глубокое уважение к массам, к их труду, сострадание к их бедствиям, негодование на их угнетение, призыв к их освобождению - в этом заключается если не главное содержание, то главный пафос лекций Грановского. «Тот не историк, - писал он, - кто не способен перенести в прошедшее живое чувство любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от него веками иноплеменнике».

Список литературы:

1. Памяти Т.Н. Грановского // Академик Е.А. Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сборник статей. / Академия Наук СССР. Институт истории. - Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. - С. 418-433.

2. Филиппова О.Н. Т.Н. Грановский – историк и поэт (1813-1855 гг.) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XXXIII Международной научно-практической конференции. В 2 частях. Москва, 2017. С. 182-187.